

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

М.С. ФАБРИКАНТ

Национализм в современном мире (Сравнительное межстрановое исследование)*

В статье приведены результаты количественного сравнительного исследования страновых показателей национализма (по данным Всемирного исследования ценностей). Выявлены два его измерения: национальная вовлеченность и мультикультурализм; обоснована их относительная взаимная независимость. Показано, что пространственные различия обоих измерений национализма значительно более существенны, чем временные.

Ключевые слова: национализм, мультикультурализм, модернити, модернизация, глобализация, субнационализм, космополитизм.

The article reveals the results of a quantitative comparative research on country-level nationalism indicators (based on the World Values Survey). It differentiates two relatively independent dimensions of the phenomena: national commitment and multiculturalism and reasons their relative mutual independence. It is demonstrated that solid difference between both dimensions of nationalism is considerable major, than temporary one.

Keywords: nationalism, multiculturalism, modernity, modernization, globalization, subnationalism, cosmopolitanism.

Изучение национализма – одно из наиболее интенсивно развивающихся направлений в социальных науках последних десятилетий, что подтверждается не только растущим количеством публикаций, но и многообразием теорий, посвященных различным сторонам этого феномена [Smith, 2010]. Но, несмотря на видимое многообразие теоретических подходов, до сих пор не было предложено системного и эмпирически обоснованного представления о современном состоянии национализма – изменениях последних десятилетий и ожидаемых в обозримом будущем тенденций. Отчасти это связано с тем, что основные направления концептуализации современности в социальных науках – теории глобализации и модернизации – рассматривают национализм лишь как одно из многочисленных проявлений общей логики социальных трансформаций без учета его специфики [Martinelli, 2005]. Ситуация же в исследованиях национализма как автономной междисциплинарной области иная и обусловлена рядом имплицитных конвенций, связанных с ее историей и требующих прояснения.

* Данная работа была выполнена в Лаборатории сравнительных социальных исследований Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики (НИУ–ВШЭ). Автор благодарит профессоров Р. Инглхарта, К. Вельцеля, Э. Понарина и В. Магуна за ценные комментарии.

Фабрикант Маргарита Сауловна – преподаватель кафедры психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (Минск), ассоциированный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ–ВШЭ.

Прежде всего следует отметить, что, несмотря на многообразие теорий, основная линия дебатов в исследованиях национализма ведется лишь с двух основных позиций и по одному ключевому вопросу: исторический период возникновения наций и национализма в современном их понимании. Согласно примордиализму (и примыкающим к нему перенниализму и этносимволизму) нации возникают в примордиальный, доисторический период и подвергаются изменениям в плане периферийных особенностей и внешних проявлений при сохранении неизменной сущности и исторической преемственности. Альтернативная позиция, получившая название модернизма, напротив, исходит из того, что традиционные общества не обладали необходимыми институциональными и культуральными ресурсами для нациегенеза, поэтому нации возникают вместе с началом эпохи модерна, которая для большинства стран Западной Европы датируется XVII–XVIII вв. [Smith, 1998]. Соответственно, в дебатах между примордиалистами и модернистами внимание уделяется именно данному периоду, а в социологии – противопоставлению преמודерных и современных обществ.

При этом на второй план отходит потенциально не менее значимая дифференциация модерности и современности, связанная с тем, что современная история охватывает значительно более краткий и недавний промежуток времени, чем эпоха модерна, продолжающаяся с начала XVII в. вплоть до настоящего времени. Еще одно значимое обстоятельство состоит в том, что различные современные общества находятся на разных стадиях модернизации (кое-где она еще не началась), и теория национализма, претендующая на универсальность, должна это принимать в расчет [Brubaker, 1996]. Кроме того, в современной социальной теории доминирует представление, будто с 1990-х гг. наступает новый всемирно-исторический период, связанный с процессом глобализации, а ряд стран, прежде всего западных, вступают в эру второго модерна [Martinelli, 2005]. Если примордиалистские теории национализма не видят существенных различий между преמודерными и современными обществами, то модернистские теории в силу своих исходных посылок не проводят необходимой дифференциации между **первым** и **вторым модерном**.

Последствия имплицитной экстраполяции на современность особенностей национализма начала первого модерна как наиболее изученных и, предположительно, прототипических проявляются в двух основных теориях, проблематизирующих не только происхождение, но и современное состояние национализма. Одна из них – теория “столкновения цивилизаций” С. Хантингтона – по сути примордиалистская, поскольку постулирует наличие эссенциальной, не подверженной каким-либо сущностным трансформациям природы цивилизаций, к одной из которых можно отнести любую нацию. Имманентный межцивилизационный антагонизм – неизбежное следствие соответствующих различий, актуализирующихся по мере роста интенсивности межкультурных контактов. Соответственно, глобализация и распространение информационных технологий должны привести к актуализации национализма как политической идеологии и популяризации националистического мировоззрения [Huntington, 1993].

Противоположный прогноз содержится в теории Э. Хобсбаума. Подобно Хантингтону, он рассматривает второй модерн как непосредственное продолжение первого, но видит в нем не обострение, а снятие противоречий ранней модернизации. Характеризуя современное состояние национализма, Хобсбаум использует классическую метафору Г. Гегеля, связывая недавний всплеск популярности исследований национализма с соевой Минервы, которая начинает свой полет лишь в сумерках. “Сумерки” тут означают не столько непроясненность национализма, сколько его закат и скорое исчезновение с небосклона мировой истории. Угасание национализма связывается с тем же фактором, который побуждает Хантингтона прогнозировать обострение националистических настроений – с глобализацией. По мнению Хобсбаума, в условиях формирования глобального рынка, мирового информационного пространства и роста возможностей и выгод географической мобильности делает национализм прагматически высокоч затратным и неоправданным, что должно привести не только к падению популярности данной идеологии, но и к постепенному стиранию межна-

циональных различий вплоть до исчезновения большинства национальных языков. Иначе говоря, национализм, появившийся с первым модерном, с ним и исчезнет [Hobsbawm, 1990].

Обе теории, несмотря на прямо противоположные основания и прогнозы, имеют ряд общих черт, особенно на уровне имплицитных предположений. Во-первых, в них неявно предполагается, что национализм имеет своей обратной стороной ксенофобию: признание исключительной роли своей нации и национальной идентичности взаимосвязано с неприятием других наций и враждебностью к их представителям. Во-вторых, и Хантингтон, и Хобсбаум усматривают в современности переломный период в истории национализма, хотя и радикально расходятся в характере оценок. Однако сравнительный анализ значимости того или иного периода требует контекста, который формируется лишь в ретроспективе, а представление об исключительности текущего момента может быть психологически обусловлено тем, что Х.-Г. Гадамер охарактеризовал как состояние “непрерывного перевозбуждения нашего исторического сознания” [Гадамер, 1988, с. 41]. В-третьих, обе теории не подвергают сомнению наличие обратной зависимости между национализмом и другими релевантными идентичностями, в частности космополитической и личностной, хотя и расходятся во взглядах относительно их сравнительной силы и значимости.

Все три имплицитных предположения, объединяющие обе теории, обладают интуитивной привлекательностью и правдоподобием, что справедливо и для предлагаемых прогнозов, которые в действительности взаимно противоположны и несовместимы, по крайней мере в существующих формулировках. Как и многие другие противоречия в исследованиях национализма, такие расхождения позиций относительно его современного состояния до сих пор не нашли своего разрешения на теоретическом уровне. Вместе с тем, учитывая, что обе теории возникли в первой половине 1990-х гг., эмпирическая проверка того, насколько оправдались их имплицитные предположения и эксплицитные прогнозы, стала ныне не только необходимой, но и возможной при условии корректной операционализации ключевых понятий.

В моем исследовании в качестве эмпирической базы данных о современном национализме были использованы материалы Всемирного исследования ценностей, которое тематически и географически наиболее репрезентативно среди аналогичных социологических опросов [World... 2009]. Это исследование включает статистику последних волн модернизации – третьей (1995 г.), четвертой (2000 г.) и пятой (2005 г.) по 88 странам, что позволяет коррелировать указанную информацию с периодом, к которому относятся прогнозы Хантингтона и Хобсбаума.

Интегрированная база данных Всемирного исследования ценностей содержит девять **переменных**, релевантных тематике национализма; из них были отобраны пять, касающихся всех трех волн: 1) *“иммигранты/рабочие-иностранцы являются нежелательными соседями?”* (варианты ответа: “да”, “нет”); 2) *“насколько вы гордитесь своей нацией?”* (варианты ответа: “очень горжусь”, “скорее горжусь”, “не очень горжусь”, “совсем не горжусь”); 3) *“конечно, мы все надеемся, что очередной войны не будет, но если она начнется, то будете ли вы сражаться за свою страну?”* (варианты ответа: “да”, “смотря по обстоятельствам”, “нет”); 4) *“когда рабочих мест недостаточно, соотечественники должны получать приоритет перед иммигрантами?”* (варианты ответа: “да”, “нет”); 5) *“что вы думаете о людях из других стран, приезжающих сюда работать? Как вы полагаете, что должно сделать правительство?”* (варианты ответа: “разрешить въезд всем”; “разрешить въезд всем до тех пор, пока имеются рабочие места”; “установить строгие ограничения на въезд в страну”; “запретить въезд в страну”).

Эти переменные предоставляют различные возможности для операционализации национализма. Каждую из них можно рассматривать отдельно и соотносить с национализмом, национальностью, патриотизмом, национальной идентичностью и близкими понятиями, как это сделал Д. Ариэли [Ariely, 2010]. Более продуктивен подход М. Биллига, определяющего национализм как любое некритичное оперирование ре-

Факторный анализ измерений национализма

Переменные	Измерения	
	Национальная вовлеченность: интрупповые аттитуды	Мультикультурализм: аутгрупповые аттитуды
Готовность воевать за свою страну	0,769	0,012
Гордость за свою нацию	0,758	-0,064
Иммигранты упоминаются/не упоминаются в качестве нежелательных соседей	0,043	0,607
Иммиграционная политика (шкала перmissивности – рестриктивности)	0,025	0,700
Приоритетное трудоустройство коренного населения по отношению к иммигрантам	-0,156	0,630

левантным понятийным аппаратом [Billig, 1995]. Принятие такого подхода позволяет, исходя из содержательной общности всех пяти переменных, выявить посредством эксплораторного факторного анализа внутренние конфигурации рассматриваемого.

Первоначальный факторный анализ без вращения выявил два фактора с относительно небольшой интеркорреляцией. Последующий факторный анализ с ортогональным вращением “варимакс” позволяет выявить два измерения национализма (см. табл. 1).

Как видно из полученных данных, первый фактор включает две переменные, отражающие отношение респондента к своей нации, второй фактор – три переменные, связанные с отношением к другим нациям. Эти факторы были названы мной *национальная вовлеченность* (НВ) и *мультикультурализм* (МК), что позволило не только операционализировать национализм как предмет исследования, но и подвергнуть эмпирической проверке ранее сформулированную мной гипотезу о тождественности национализма и ксенофобии. На основании результатов факторного анализа данная гипотеза должна быть опровергнута, поскольку и высокая/низкая степень НВ и МК, и ксенофобия составляют полюса двух взаимно независимых измерений национализма, несмотря на то, что в большинстве теорий национализма предполагается обратная зависимость между ними [Calhoun, 1997].

Полученные результаты противоречат установленной в исследованиях национализма традиции рассматривать его как средство мобилизации против общего врага [Tilly, 1998] либо как психологическую гиперкомпенсацию субъективно воспринимаемой депривации на индивидуальном внутринациональном [Kedourie, 1993], либо коллективном межстрановом [Greenfeld, 1992] уровне. Также полученные результаты не соответствуют выведенной экспериментальным путем теории социальной идентичности Г. Тэджфела и Д. Тернера [Turner, 2003], согласно которой любая межгрупповая дифференциация с последующей социальной категоризацией порождает одновременно интрупповой фаворитизм и аутгрупповую дискриминацию. Аналогично результаты моего исследования в определенной степени опровергают логическую модель Н. Мисцевича, который использовал ресурсы аналитической философии для доказательства имманентной ксенофобии любого националистического дискурса [Miscovic, 2001].

Объяснение перечисленных противоречий заключается в том, что все указанные теории моделируют ситуацию гносеологической робинзонады, что связано с уже отмечавшимся повышенным интересом исследователей национализма к вопросу его первоначального возникновения в сравнении с изучением последующих трансформаций. В упомянутых теоретических подходах неявно предполагается, что национализм – самостоятельное изобретение каждого его носителя и побуждением к такому изобретению выступает некая специфическая ситуация. Однако картина меняется, если принять

Страновые показатели национальной вовлеченности

Страна	Среднее	Волна 3	Волна 4	Волна 5	Разность волн 4 и 3	Разность волн 5 и 4	Разность волн 5 и 3
Вьетнам	0,95		0,95	0,94		-0,01	
Колумбия	0,95	0,94		0,96			0,02
Пакистан	0,94	0,94	0,93		-0,01		
Руанда	0,94			0,94			
Гана	0,93			0,93			
Бангладеш	0,92	0,9	0,93		0,03		
Мали	0,92			0,92			
Таиланд	0,92			0,92			
Турция	0,91	0,93	0,84	0,95	-0,09	0,11	0,02
Азербайджан	0,91	0,91				0	
Венесуэла	0,91	0,92	0,9		-0,02		
Иордания	0,90		0,89	0,91		0,02	
Египет	0,89		0,94	0,84		-0,1	
Иран	0,89		0,95	0,83		-0,12	
Алжир	0,89		0,89				
Буркина-Фасо	0,89			0,89			
Филиппины	0,89	0,88	0,9		0,02		
Саудовская Аравия	0,89		0,89				
Марокко	0,87		0,94	0,8		-0,14	
Индия	0,86	0,89	0,84	0,85	-0,05	0,01	-0,04
Перу	0,85	0,91	0,86	0,77	-0,05	-0,09	-0,14
Пуэрто-Рико	0,85	0,82	0,88		0,06		
Доминиканская Республика	0,84	0,84					
Малайзия	0,84			0,84			
Норвегия	0,84	0,84		0,84			
Сингапур	0,84		0,84				
Польша	0,83	0,85		0,8		0,8	-0,05
Кипр	0,83			0,83			
Индонезия	0,83		0,8	0,86		0,06	
Финляндия	0,82	0,8		0,83			0,03
Сальвадор	0,82	0,82					
Эфиопия	0,82			0,82			
Гватемала	0,82			0,82			
Тринидад и Тобаго	0,82			0,82			
Словения	0,82	0,86		0,78			-0,08
Мексика	0,82	0,8	0,83	0,84	0,03	0,01	0,04
Албания	0,81	0,8	0,81		0,01		
Нигерия	0,81	0,75	0,87		0,12		
Грузия	0,80	0,79		0,8			0,01
Швеция	0,80	0,84	0,75	0,81	-0,09	0,06	-0,03
Киргизия	0,80		0,8				
Македония	0,80	0,81	0,79		-0,02		
Китай	0,80	0,84	0,81	0,76	-0,03	-0,05	-0,08
США	0,80	0,85	0,81	0,75	-0,04	-0,06	-0,1
Австралия	0,79	0,82		0,75			-0,07
Израиль	0,79		0,79				
Боснийская Федерация	0,78	0,81	0,75		-0,06		
ЮАР	0,78	0,82	0,77	0,76	-0,05	-0,01	-0,06

Таблица 2 (окончание)

Страна	Среднее	Волна 3	Волна 4	Волна 5	Разность волн 4 и 3	Разность волн 5 и 4	Разность волн 5 и 3
Нов. Зеландия	0,77	0,78		0,76			-0,02
Уганда	0,77		0,77				
Канада	0,76		0,77	0,74		-0,03	
Россия	0,76	0,72		0,79			0,07
Армения	0,76	0,76					
Белоруссия	0,76	0,76				0	
Хорватия	0,76	0,76					
Румыния	0,75	0,8		0,7			-0,1
Уругвай	0,74	0,75		0,72			-0,03
Аргентина	0,74	0,74	0,76	0,71	0,02	-0,05	-0,03
Юж. Корея	0,74	0,82	0,69	0,7	-0,13	0,01	-0,12
Венгрия	0,74	0,74					
Замбия	0,74			0,74			
Зимбабве	0,74		0,74				
Чили	0,74	0,77	0,75	0,71	-0,02	-0,04	-0,06
Бразилия	0,72	0,77		0,67			-0,1
Великобритания	0,72			0,72			
Тайвань	0,71	0,71		0,7			-0,01
Сербия	0,71	0,75	0,7	0,69	-0,05	-0,01	-0,06
Молдавия	0,70	0,74	0,71	0,64	-0,03	-0,07	-0,1
Словакия	0,70	0,7					
Швейцария	0,69	0,68		0,69			0,01
Черногория	0,68	0,77	0,58		-0,19		
Республика Сербская*	0,68	0,79	0,56		-0,23		
Украина	0,68	0,69		0,66			-0,03
Испания	0,68	0,73	0,66	0,64	-0,07	-0,02	-0,09
Эстония	0,67	0,67					
Болгария	0,66			0,66			
Франция	0,66			0,66			
Ирак	0,65		0,65	0,65			
Чехия	0,64	0,64					
Латвия	0,62	0,62					
Литва	0,62	0,62					
Италия	0,60			0,6		0,6	
Нидерланды	0,58			0,58			
Гонконг	0,53			0,53			
Германия (Вост.)	0,50	0,52		0,48			-0,04
Германия (Зап.)	0,49	0,5		0,48			-0,02
Япония	0,46	0,48	0,47	0,42	-0,01	-0,05	-0,06
Среднее	0,78	0,78	0,80	0,76	-0,04	0,03	-0,04
Среднее для абсолютных величин					0,06	0,06	0,06

* В таблицах 2 и 3 Республика Сербская – населенные сербами территории северной Боснии, провозгласившие в 1992 г. свою самостоятельность в одностороннем порядке. С 1995 г. – республика входит в состав Федерации Босния и Герцеговина.

во внимание факт, что национализм – социальный феномен с длительной историей, усваиваемый личностью в готовом виде в процессе социализации, и что различные его компоненты могут актуализироваться в индивидуальной истории на различных ее этапах и в различных контекстах. Так, Биллиг предложил разграничить “горячий” национализм – эмоционально насыщенный, лично значимый и ассоциирующийся с межнациональными конфликтами, следовательно, связанный с ксенофобией; и “холодный” (“банальный”) национализм, представляющий собой принятие лингвистических конвенций мира наций как самоочевидных, нейтральных и естественных. Указание гордости за свою нацию и готовности в случае необходимости защищать свою страну, представленные в самоочетах, могут отражать как рефлексивный, так и “банальный” национализм, в то время как ксенофобия в большинстве современных стран не является конвенциональной и предполагает иные механизмы формирования.

Результаты исследования дают некоторые основания для оптимизма тем, кто, подобно К. Хюбнеру [Hübner, 1991] или С. Гросби [Grosby, 2002], надеются на возрождение гуманистического национализма или патриотизма, свободного от ксенофобии. Но одновременно подсчитанные мной средние показатели НВ и МК для каждой из стран (см. табл. 2 и 3) и средние значения по всем странам для каждой из трех волн (см. рис.) свидетельствуют, что возможность реализации идеалов гуманистического, свободного от ксенофобии национализма остается в глобальном масштабе лишь потенциальной. При почти одинаковой дисперсии на страновом уровне национальная вовлеченность по стандартизированной шкале (от 0 до 1) значительно превосходит мультикультурализм: средние значения первой по каждой из волн модернизации примерно соответствуют максимальным значениям второго (аналогично минимальные значения НВ соответствуют средним значениям МК).

Из этого можно сделать вывод: современный мир скорее националистический, чем мультикультуралистский, а декларируемая тревога этнических антрепренеров относительно того, что повсеместное распространение межкультурной толерантности несет угрозу для сохранения национальных культур/идентичностей, лишено фактических оснований. Несмотря на то, что носители таких убеждений, возможно, хотели бы видеть показатели НВ более высокими, а МК – более низкими, чем в настоящий момент, общее соотношение значений по данным двум измерениям должно вызывать беспокойство скорее у сторонников, чем у противников мультикультурализма и межкультурной толерантности.

Другой вывод, который можно сделать на основании результатов моего исследования, относится ко второй из ранее сформулированных гипотез: национализм в современном мире претерпевает существенные изменения. На графике, отражающем средние значения НВ и МК для каждой из трех волн исследования, наглядно видно, что данная гипотеза не подтверждается эмпирическими данными (см. рис.).

Во-первых, значения НВ и МК лишь незначительно различаются между каждой из двух пар волн (см. табл. 2 и 3), причем сказанное справедливо не только для средних, но и для максимальных и минимальных значений. Это подтверждается результатами регрессионного анализа, в котором номер волны был независимой переменной, а средние значения национальной вовлеченности и мультикультурализма – зависимыми переменными: статистически значимых регрессионных коэффициентов получено не было.

Во-вторых, относительно небольшая, по сравнению с прогнозируемой, величина изменений НВ и МК наблюдается не только для простого арифметического среднего изменений по странам, но и для среднего абсолютных значений (см. табл. 2 и 3). В противном случае можно было бы предположить, что национализм в настоящее время претерпевает существенные трансформации, однако в разных странах изменения в уровне обоих его измерений происходят в противоположном направлении, так что при подсчете среднего значения положительные и отрицательные числа как бы уравновешивают друг друга. Подсчет среднего от абсолютных значений показывает, что для НВ и для МК эти величины, как и простые средние, относительно незначительны. В то же время, сравнительно бóльшая дисперсия в сочетании с незначительными

Страновые показатели мультикультурализма

Страна	Среднее	Волна 3	Волна 4	Волна 5	Разность волн 4 и 3	Разность волн 5 и 4	Разность волн 5 и 3
Швеция	0,79	0,73	0,81	0,82	0,08	0,01	0,09
Андорра	0,73			0,73			
Нидерланды	0,72			0,72			
Норвегия	0,68	0,65		0,7			0,05
Австралия	0,67	0,67		0,66			-0,01
Республика Сербская*	0,66	0,63	0,68		0,05		
Германия (Зап.)	0,65	0,69		0,6			-0,09
Великобритания	0,65	0,66		0,63			-0,03
Канада	0,64		0,63	0,65		0,02	
Эфиопия	0,63			0,63			
Нов. Зеландия	0,61	0,62		0,6			-0,02
Швейцария	0,61	0,57		0,65			0,08
Испания	0,61	0,58	0,63	0,61	0,05	-0,02	0,03
Латвия	0,60	0,6					
Эстония	0,59	0,59					
США	0,58	0,57	0,63	0,55	0,06	-0,08	-0,02
Белоруссия	0,58	0,58					
Доминиканская Республика	0,58	0,58					
Франция	0,58			0,58			
Украина	0,58	0,59		0,56			-0,03
Уругвай	0,58	0,53		0,62			0,09
Гватемала	0,57			0,57			
Аргентина	0,57	0,55	0,56	0,59	0,01	0,03	0,04
Армения	0,56	0,56					
Италия	0,55			0,55			
Молдова	0,55	0,57	0,56	0,51	-0,01	-0,05	-0,06
Финляндия	0,55	0,52		0,57			0,05
Хорватия	0,54	0,54					
Германия (Вост.)	0,54	0,54		0,54			
Перу	0,54	0,49	0,55	0,57	0,06	0,02	
Бразилия	0,53	0,53		0,53			
Чили	0,52	0,54	0,51	0,52	-0,03	0,01	-0,02
Китай	0,52	0,48	0,54	0,55	0,06	0,01	0,07
Албания	0,52	0,5	0,54		0,04		
Азербайджан	0,52	0,52					
Киргизия	0,52		0,52				
Мали	0,52			0,52			
Пакистан	0,52		0,52				
Пуэрто-Рико	0,52	0,49	0,55		0,06		
Сербия	0,52	0,49	0,53	0,54	0,04	0,01	0,05
Зимбабве	0,52		0,52				
Мексика	0,51	0,48	0,52	0,54	0,04	0,02	0,06

Таблица 3 (окончание)

Страна	Среднее	Волна 3	Волна 4	Волна 5	Разность волн 4 и 3	Разность волн 5 и 4	Разность волн 5 и 3
Кипр	0,51			0,51			
Румыния	0,51	0,46		0,56			0,1
Вьетнам	0,51		0,5	0,52		0,02	
Болгария	0,51	0,48		0,53			0,05
Словения	0,51	0,49		0,52			0,03
Марокко	0,50		0,51	0,49		-0,02	
Танзания	0,50		0,5				
Тринидад и Тобаго	0,50			0,5			
Нигерия	0,50	0,49	0,5		0,01		
Уганда	0,49		0,49				
Алжир	0,48		0,48				
Грузия	0,48	0,54		0,41			-0,13
Венесуэла	0,48	0,44	0,51		0,07		
Гана	0,47			0,47			
Россия	0,47	0,52		0,41			-0,11
Филиппины	0,46	0,45	0,47		0,02		
Турция	0,46	0,41	0,47	0,49	0,06	0,02	0,08
Замбия	0,45			0,45			
Македония	0,45	0,44	0,45		0,01		
Черногория	0,45	0,44	0,45		0,01		
Словакия	0,43	0,43					
ЮАР	0,43	0,45	0,43	0,41	-0,02	-0,02	-0,04
Польша	0,42	0,42					
Сингапур	0,42		0,42				
Тайвань	0,41	0,41		0,41			
Юж. Корея	0,40	0,39	0,39	0,43	0	0,04	0,04
Венгрия	0,40	0,4					
Таиланд	0,40			0,4			
Чехия	0,39	0,39					
Литва	0,39	0,39					
Индия	0,39	0,38	0,37	0,42	-0,01	0,05	0,04
Индонезия	0,38		0,38	0,38			
Япония	0,36	0,36	0,38	0,35	0,02	-0,03	-0,01
Иран	0,36		0,45	0,27		-0,18	
Бангладеш	0,34	0,39	0,29		-0,1		
Гонконг	0,29			0,29			
Иордания	0,29		0,34	0,23		-0,11	
Малайзия	0,27			0,27			
Египет	0,25		0,3	0,19		-0,11	
Среднее	0,51	0,51	0,50	0,52	0,02	-0,02	0,01
Среднее для абсолютных величин					0,08	0,04	0,10

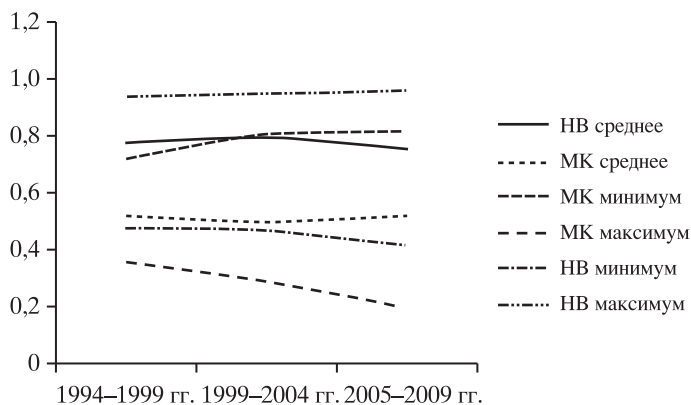

Рис. Уровни национальной вовлеченности и мультикультурализма.

изменениями во времени указывает на то, что пространственные различия в уровне национализма намного более существенны, чем временные, что позволяет говорить об их относительной устойчивости.

В-третьих, вопреки прогнозам Хантингтона и Хобсбаума, изменения в уровне НВ и МК не являются не только статистически значимыми, но и линейными. Как видно на рисунке, к 2000 г. по сравнению с 1995 г. наблюдается легкое повышение уровня НВ и столь же небольшое снижение уровня МК, однако к 2005 г. происходит сопоставимое по абсолютному значению увеличение показателя для последнего и уменьшение – для первой. То есть прогнозируемая на основании обеих теорий линейная однонаправленная тенденция не наблюдается даже на статистически незначимом уровне. Относительно причин наблюдаемых изменений можно предположить, что они вызваны какими-либо специфическими историческими обстоятельствами либо образуют часть общего паттерна циклических колебаний. Однако для эмпирической проверки этих предположений в настоящее время недостаточно данных.

Выявленное отсутствие статистически значимых изменений в уровне национализма противоречит не только прогнозам теорий Хантингтона и Хобсбаума, но и общим ожиданиям, основанным на представлении значимости и интенсивности глобализации и ее очевидной релевантности для национализма. Объяснение полученных результатов заключается прежде всего в том, что разные страны не только вовлечены в глобализацию в неравной степени, но и придают этому процессу различное значение. Кроме того, степень вовлеченности в глобализацию может сочетаться с различными внутренними факторами, оказывающими влияние на уровень национализма. Учитывая неодинаковые последствия глобализации для стран, имеющих различный статус в глобализирующемся мире и занимающих разные позиции на пути модернизации, полученные результаты можно объяснить и тем, что влияние глобализации на средний уровень национализма для разных стран может обладать различной степенью значимости как в абсолютном выражении, так и относительно других факторов, не позволяющих проявиться общей тенденции, по крайней мере в изученном промежутке времени.

Полученные результаты, демонстрирующие скорее специфическое, нежели универсальное, отсроченное или постепенное влияние глобализационных процессов на изменения уровня национализма, соотносятся с теориями множественных модернит, которым на индивидуальном уровне соответствует идея гибридных идентичностей [Yvall Smith, 2008; Паин, 2009]. Согласно ей, в эпоху второго, или радикального, модерна личность освобождается от необходимости принятия национальной идентичности как полностью определяющей ее позицию в мультикультурном мире. Глобализация, растущая доступность информации о различных культурах и скорость обмена ею, большая географическая мобильность – все это дает возможность выбора не только

между разными сочетаниями национальных идентичностей, но и между национальной идентичностью и другими видами идентификаций.

С одной стороны, возрастает популярность наднациональных идентичностей, сконструированных на основании, например, общеевропейской идентичности. Поскольку фактически такая интеграция не столько устанавливает новые, сколько релятивизирует устоявшиеся национальные размежевания, есть основания считать наднациональные идентичности шагом к космополитизму, который мог бы означать не атомизацию индивида, а напротив, его интеграцию во всемирно-исторический контекст с формированием универсалистской лояльности и ответственности.

С другой стороны, оспаривая очевидность и доминирование установившихся национальных идентичностей, глобализационные процессы межкультурного взаимодействия способствуют реактуализации преמודерных субнациональных, локальных идентичностей вплоть до “изобретения традиции” как ответа на запрос на аутентичное этническое возрождение [Hobsbawm, Ranger, 1983]. И вместо простого принятия национальной идентичности личность эпохи второго модерна получает возможность выбора между различными версиями гибридизации, так что национальная идентичность уступает часть своей значимости субнациональным, наднациональным и космополитическим идентичностям, теряя свою доминирующую роль, которая была ей отведена идеологией первого модерна. На индивидуальном уровне эта новая свобода самоидентификации приводит к очередному этапу эмансипации и росту личностной автономии.

Вместе с тем возникает вопрос, справедливо ли это соотношение на межстрановом уровне сравнения? Действительно ли увеличение значимости индивидуальной автономии, субнациональных и космополитических идентичностей сопровождается уменьшением значимости национальной принадлежности и ростом приверженности ценностям мультикультурализма?

Для проверки этих предположений мною был проведен регрессионный анализ с использованием в качестве независимых переменных трех вопросов Всемирного исследования ценностей, в которых респондентам предлагалось указать степень своего согласия с каждым из следующих трех суждений: 1) “я чувствую себя автономным индивидом”; 2) “я чувствую себя членом своего локального сообщества”; 3) “я чувствую себя гражданином мира” (варианты ответов для каждого вопроса “полностью согласен”, “согласен”, “не согласен”, “полностью не согласен”). В качестве зависимых переменных выступили показатели НВ и МК, полученные на первом этапе исследования. Результаты регрессионного анализа приведены в таблице 4 и для всех шести полученных регрессионных коэффициентов противоречат теоретическим ожиданиям.

Предположение об индивидуальной эмансипации от национализма через приобщение к мультикультуралистской практике конструирования гибридных идентичностей не подтверждается результатами эмпирического исследования: они не выявляют статистически значимой связи индивидуализма ни с НВ, ни с МК. Это можно объяснить с помощью понятийного аппарата кросскультурной психологии, в которой индивидуализм/коллективизм понимаются как важнейший параметр количественного межкультурного сравнения, проявляющийся в различных сферах, а не только применительно к национальной идентичности и ее рядоположным альтернативам. Соответственно, межкультурные различия в контексте индивидуализма/коллективизма выступают относительно резистентными к воздействию изолированных факторов, а изменения в их уровне должны сопровождаться глубинными внутренними трансформациями. При этом принципиально разграничивать индивидуальный и страновой уровень выраженности национализма и индивидуализма/коллективизма. Поскольку национализм по определению – идеология, абсолютизирующая значимость одной из коллективных идентичностей по отношению к индивидуальной, вплоть до требования самопожертвования во имя своей нации [Anderson, 1991], логично предположить относительно большую привлекательность национализма, особенно его “горячей”, а не “банальной” версии для коллективистов. Однако на страновом уровне национализм может быть

Проверка гипотез гибридных идентичностей

Независимая переменная	Зависимая переменная	
	НВ	МК
	<i>Стандартизированный бета-коэффициент</i>	
Индивидуализм	0.127	0.054
Субнационализм	0.557**	-0.434*
Космополитизм	0.467**	-0.054

* Статистическая значимость: 0,01.

** Статистическая значимость: 0,001.

в равной мере присущ как коллективистским культурам, способствуя поддержанию единства и солидарности, так и индивидуалистическим, где он выступает мощным мобилизационным ресурсом для реализации сопутствующей индивидуализму мотивации достижения [Allik, 2004]. Об этом убедительно свидетельствует факт, что национализм впервые появляется именно в западных странах, в культуральном плане – преимущественно индивидуалистических, причем раньше всего это произошло в Англии, вместе с другими англосаксонскими странами занимающей лидирующие позиции по уровню индивидуализма [Greenfeld, 1992].

Результаты регрессионного анализа с субнационализмом в качестве независимой переменной показывают, что статистически значимые связи для НВ и МК оказались противоположны ожидаемым. Вопреки теории гибридных идентичностей, субнационализм положительно связан с уровнем первой и отрицательно – с уровнем второго. Объяснение этому таково: локальные идентичности, в силу своего традиционализма, в отличие от рационалистического генезиса национальных идентичностей, привлекают не столько сторонников гибридизации, сколько новых правых [Laitin, 2007]. Приверженцы данной идеологии склонны искать на локальном уровне, особенно если речь идет о провинции, гипотетическую этнонациональную аутентичность, которую можно было бы противопоставить растущему космополитизму крупных городов, где происходило формирование национальных идентичностей на ранних этапах европейской модернизации [Gellner, 1983]. Словом, результаты моего исследования дают основания полагать, что субнационализм в большинстве стран – не столько один из рядоположных вариантов выбора, увеличивающих индивидуальную свободу, сколько альтернативный национализму способ ограничения выбора как компенсаторной реакции на сверхсложность и непрозрачность общества второго модерна [Habermas, 1998].

Наиболее интересны результаты о связи НВ и МК с космополитизмом. На основании приведенных теоретических посылок следовало бы предположить, что космополитизм по причине заложенных в нем универсалистских ценностей, пожалуй, в большей степени, чем другие идентичности, альтернативные национальной, будет демонстрировать отрицательную связь с НВ и положительную – с МК. Но полученный регрессионный коэффициент для МК не имеет статистической значимости, а для НВ он положительный. Эту весьма неожиданную прямую зависимость между национализмом и космополитизмом можно объяснить, приняв во внимание ценностную неоднозначность космополитизма.

В отличие от прототипической концептуализации космополитизма в философии стоиков, в обыденном понимании бытие гражданином мира может означать не транскультурный универсализм, а закономерный в условиях глобализации (особенно на ее раннем этапе) повышенный интерес к событиям мирового масштаба. Этот интерес закономерно принимает вид озабоченности положением своей нации на мировой арене, наглядной и тревожной иллюстрацией чему выступает так называемый геополити-

тический дискурс, особенно на постсоветском пространстве [Laruelle, 2008]. То есть гибкость национализма проявляется в его способности к сочетанию даже с такими, казалось бы, противоположными идеологиями, как космополитизм.

Таким образом, проведенное исследование дает возможность сделать следующие выводы. Во-первых, вопреки распространенным представлениям, национализм в современном мире на страновом уровне не имеет прямой связи с ксенофобией; во-вторых, он не подвергается выраженным количественным изменениям, поэтому временные различия его уровня значительно уступают пространственным; в-третьих, национализм способствует, а не препятствует высокой значимости, казалось бы, альтернативных идентичностей – субнациональной и космополитической. Выявленные несоответствия между полученными результатами и прогнозами, сделанными ранее, указывают на необходимость перехода от общей концептуализации множественных модернизаций к исследованиям существующих паттернов и присущих им закономерностей. Это может означать пересмотр классических модернистских теорий и создание на их основе модернизационных теорий национализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.
- Паун Э.А.* Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов // Общественные науки и современность. 2009. № 6.
- Allik J.* Individualism-Collectivism and Social Capital // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2004. № 1 (35).
- Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised Edition. London–New York, 1991.
- Ariely D.* The Upside of Irrationality. New York, 2010.
- Billig M.* Banal Nationalism. London, 1995.
- Brubaker R.* Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1996.
- Calhoun C.* Nationalism. Minneapolis, 1997.
- Gellner E.* Nations and Nationalism. Ithaca, 1983.
- Greenfeld L.* Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge–London, 1992.
- Grosby S.E.* Biblical Ideas of Nationality: Ancient and Modern. Winona Lake (Ind.), 2002.
- Habermas J.* Die postnationale Konstellation. Frankfurt a.M., 1998.
- Hobsbawm E. D.* Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge, 1990.
- Hobsbawm E.D., Ranger T.O.* The Invention of Tradition. Cambridge, 1983.
- Hübner K.* Das Nationale: Verdrängtes, Unvermeidliches, Erstrebenswertes. Graz–Wien–Köln, 1991.
- Huntington S.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. № 3.
- Iyall Smith K.E.* Hybrid Identities. Theoretical Examination // Hybrid Identities. Theoretical and Empirical Examinations. Leiden–Brill, 2008.
- Kedourie E.* Nationalism. Oxford–Cambridge (Mass.), 1993.
- Laitin D.* Nations, States and Violence. Oxford, 2007.
- Laruelle M.* Russian Eurasianism: an Ideology of Empire. Baltimore, 2008.
- Martinelli A.* Global Modernization: Rethinking the Project of Modernity. London, 2005.
- Miscevic N.* Nationalism and Beyond: Introducing Moral Debate about Values. Budapest, 2001.
- Smith A.* Nationalism and Modernism. London, 1998.
- Smith A.* Nationalism: Theory, Ideology, History. Malden, 2010.
- Tilly Ch.* Social Movements and (All Sorts of) Other Interactions – Local, National and International – Including Identities // Theory and Society. Special Issue on Interpreting Change at the End of the Twenties Century. 1998. № 27 (4).
- Turner J.C.* The Social Identity Perspective in Intergroup Relations: Theories, Themes and Controversies // Blackwell Handbook of Social Psychology: Intergroup Processes. Oxford, 2003.
- World Values Survey 1981–2008 Official Aggregate. 2009. Vol. 20090901 // World Values Survey Association (<http://www.worldvaluessurvey.org>).